УДК 32.019.5

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2018-1-2/65-78

М.А. Казаков¹, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

E-mail: kazakov_mihail@list.ru

Д.Н. Беспалов², Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: bespalov.dn@dvfu.ru

ПУБЛИЧНАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ В ПРИОРИТЕТАХ ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье проанализированы факторы и условия, приводящие к формированию публичной экспертизы, и особенности, обуславливающие проблемы её развития как института в современном политическом процессе. В нём основной задачей публичной экспертизы становится чёткое обоснование цели политического решения и результата её реализации с ответственностью перед обществом. Авторы признают, что формирование коалиционных экспертных объединений, аффилированных со знаковыми структурами, является необходимым и предпочтительным для значительной части экспертов. Наряду с выделенными в работе ограничениями авторы подчёркивают идущую в экспертных кругах переконфигурацию и дефицит инновационных методов, технологий, которые по своей природе были бы альтернативой властно-распорядительным методам, реализуемым разными органами управления, что вкупе составляет важную часть дилеммы самой экспертизы. В статье отмечено, что при всей проблематичности её реалий институт экспертизы сопрягается с культурой гражданского общества, обретая качество новой публичности. Главной задачей публичной экспертизы в указанном контексте является чёткое обоснование цели решения и результата её реализации с ответственностью перед обществом посредством использования экспертно-консультативных возмож-

---

¹Михаил Анатольевич Казаков, профессор кафедры прикладного политического анализа и моделирования Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета (ИМОИ ННГУ) им. Н.И. Лобачевского, доктор политических наук, профессор.

²Дмитрий Николаевич Беспалов, доцент кафедры информационной безопасности Школы естественных наук Дальневосточного федерального университета, кандидат политических наук.

Для цитирования: Казаков М.А., Беспалов Д.Н. Публичная экспертиза: проблемы институционализации в приоритетах политики развития // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2018. № 1–2. С. 65–78.

ностей различных социальных субъектов в процессах выработки и корректировки мер государственной политики развития для повышения её эффективности.

Ключевые слова: государство, гражданское общество, институционализация, политика развития, приоритет гуманитарного измерения, публичная экспертиза, регион.

Mikhail A. Kazakov¹, Nizhny Novgorod State University N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: kazakov_mihail@list.ru

Dmitry N. Bespalov², Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: bespalov.dn@dvfu.ru

PUBLIC EXPERTISE: PROBLEMS OF INSTITUTIONALIZATION IN PRIORITIES OF DEVELOPMENT POLICY

Abstract. The article analyzes the factors and conditions leading to the formation of public expertise and features that cause the problems of its development as an institution in the modern political process. Here the main task of the public examination is to clearly substantiate the purpose of the decision and the result of its implementation with responsibility to the society through the use of expert advisory capabilities of various social entities in the processes of elaboration and adjustment of measures of state development policy to improve its efficiency, implementation of civil control over it. The authors acknowledge that the formation of coalition expert associations affiliated with significant structures is necessary and preferable for a significant number of experts. Along with the constraints highlighted in the work, the authors emphasize the reconfiguration going on in the expert sphere, and the shortage of innovative methods and technologies, which by their nature would be an alternative to the power-management methods implemented by different government bodies, which together form an important part of the dilemma of the expertise itself. In the work it is noted that for all the problematic nature of its realities, the institution of expertise is conjugated with the culture of civil society, acquiring the quality of new publicity. The main task of public examination in the context indicated in the article is a clear justification of the purpose of the decision and the result of its im-

---

¹ Mikhail Anatolyevich Kazakov, Professor, Department of Applied Political Analysis and Modeling, Institute of International Relations and World History, Nizhny Novgorod State University (IMOMI UNN) N.I. Lobachevsky, Doctor of Political Sciences, Professor.

² Dmitry Nikolaevich Bespalov, associate professor of the Information Security Department of the School of Natural Sciences of the Far Eastern Federal University, candidate of political sciences.

For citing: Kazakov M.A., Bespalov D.N. Public expertise: problems of institutionalization in priorities of development policy // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2018. № 1–2. P. 65–78.

plementation with responsibility to the society through the use of expert advisory capabilities of various social actors in the processes of elaborating and adjusting the measures of the state development policy to improve its effectiveness.

Keywords: state, civil society, institutionalization, development policy, public examination, region.

Введение. Публичная экспертиза, выступая актуальным сегментом *изменения* алгоритма принятия решений в современную эпоху, содержит не только умную информацию, но и предлагает активное участие граждан в его осуществлении. *Как вид экспертизы общественной публичная экспертиза – профессиональная деятельность институций гражданского общества по установлению соответствия функционирования государственных органов нормативно-правовым стандартам, обеспечивающая корректирование выявленных отклонений посредством качественной информации, представленной по каналам сети, отношений с государственными/негосударственными структурами и (или) обращения к общественному мнению.* Постановка вопроса о такой экспертизе как становящемся институте позволяет корректно сменить фокус дискурса с волнообразной востребованности экспертизы на предмет влияния возвращающейся в российскую политику *публичности* как учитываемой властью способности общественного сознания воздействовать на формирование и бытие внешней и внутренней сред государства. Оно в равной степени нуждается ныне в этом влиянии, как и отдельные сферы общества – в регулировании, что связано с разбалансировкой механизма его функционирования, последствия которого могут быть преодолены только общими усилиями целеустремленных, мобилизованных групп социума, Центра и периферии.

Материалы и методы. Комплексный анализ предмета изучения обеспечивает междисциплинарным подходом, сочетающим разнообразные методы научного познания. Эмпирическая база представлена социологическими исследованиями региональной публичной политики на территории Нижегородской и ряда соседних областей (2010–2016 гг.), материалами действующего (с 2015 г.) научно-практического семинара «Публичная экспертиза в субъектах РФ». Организатор – Центр экспертизы и комплексного анализа Института международных отношений и мировой истории (ИМОМИ) ННГУ, научным руководителем которого является М.А. Казаков, активным участником Д.Н. Беспалов.

Результаты исследования. Идея публичной экспертизы, положенная проф. Казаковым в 2009 г. в основу построения гуманитарных технологий [1, с. 18], прошла свой путь рефлексии. Полученное знание и опыт привели к рассмотрению двух этапов её эволюции и одновременно двух моделей организации научной жизни субъектов РФ, первый – 1990-е гг. с их инерцией примерно до 2004 г., второй – по-

следующее десятилетие вплоть до крымского референдума. Общим показателем они имеют то, что для участвующих в этих частях единого поля сам процесс представлял сложную дилемму между личностными и процедурными факторами в контексте вызовов времени. Анализ её особенностей, характеристика групп факторов и условий, приводящих к формированию публичной экспертизы и обуславливающих основные её проблемы как становящегося института современной российской политики, определяют новизну работы.

Обсуждение и заключение. Преломляя по отношению к публичной экспертизе коммуникативный и социокультурный подходы в сочетании с элементами процессуально-циклического и дискурсивного плана, авторы считают, что наиболее надёжным способом исследования взаимодействия факторов политического процесса, воздействующих на её развитие (и наоборот), остаётся изучение конкретных прецедентов её использования в национальной и мировой практике. В современной Российской Федерации вектор институционализации экспертизы в сфере публичной политики иной, чем, скажем, в Европе, что сказывается на реализации повестки «прорывного» развития страны с участием гражданского общества, но он ещё более отличен в субъектах РФ.

Введение. Экспертиза, будучи неотъемлемым интеллектуальным спутником лиц, принимающих решения, и специфическим «маятником-рецептом» между ними и обществом, ныне как актор политического управления выходит «из тени». В силу исторической, цивилизационной специфики России этот процесс особенно важен и сложен для её регионов. Раскрыть главную дилемму этого пути, задачи и особенности публичной экспертизы в деле идущих в стране реформ составляет цель статьи.

Связывая ограниченность нынешней отечественной экспертизы, её «деморализацию» с политическим режимом, некоторые критики и того, и другого не отказывают себе в праве (здесь же, в России) на профессиональную коммуникацию – обмен и передачу определённой информации адресатам на основе сетевых и зарубежных контактов, чем вместе с другими свидетельствами вовлечённости в политическую жизнь структурируют деятельность экспертов. По центру её поля – «доминирование закрытых (корпоративных) экспертных сообществ в государстве и политическом процессе» [2, с. 13], крайний их фланг составляют «эксперты-охранители», напротив – немодные реформаторы.

Однако такая схема не является особенностью лишь РФ. Она почти *повсеместна*, так как все возможные типы влияния экспертизы не только делятся на формальные/неформальные, открытые/закрытые, но и функционально распадаются на части, видоизменяясь в механике «спроса и предложения», образуя разницу в степенях влияния, зависящую от множества факторов, но не претупая его сущностного характера, *мягкого*, по своей сути, содержательно отображающего интел-

лектуальный климат в стране. Чем демократичнее и рациональнее выстроены в ней когнитивные структуры политики, тем более установленным является воздействие экспертов на динамику политической системы, проявляющее их роль в процессе подготовки/принятии решений.

Не удивительно, что основы отношений публичной экспертизы как синтезирующей разновидности социальной и политической экспертизы стали складываться в России 90-х гг. XX в. в силу нескольких взаимосвязанных причин: деидеологизации и поиска новых идей, глобализации и регионализации, развития информационных и коммуникационных технологий, усиления роли и участия общества, становления его лидерства в реформах государства.

Имея в реальности после 1991 г. своеобразное сочетание исторических периодов, когда реформы и контрреформы идут одновременно, акторами экспертизы стали как субъекты коммуникаций центра и регионов *с той или иной миссией*, так и научные, общественные организации, позиционирующие себя *клиентами* определённых структур, например, губернаторов, либо работающие по заключённому *контракту*, что позволяет относить их к клиентскому и контрактному типу [3, с. 115–116]. Уже электоральный цикл 1995–1996 гг. обозначил особую актуальность вопроса *выхода экспертов на публичную политическую сцену*. Идеино-ценностные трансформации в обществе, изменения в массовых и политических коммуникациях, «перекраивая» структуру этого сообщества, вынуждали каждый сегмент по-своему решать проблему выживания и профессионализации.

Изменялся и состав получателей аналитической продукции, что усиливает с начала 2000-х гг. формирование *элиты гражданского общества* (это тема не одного исследования). Её функционирование осуществляется на базе договорённостей с действующим истеблишментом, что при определённых негативных моментах способствует в целом институционализации и гражданского общества, и публичной экспертизы, которая, как умный посредник между ним и правительством, приводит их к взаимодействию в политическом пространстве. Соответственно, к структурам бизнеса, власти, политики и даже неправительственным организациям (НПО) как пользователям для составления и исполнения их планов данными экспертизы добавляются новые группы элит(ы) некоммерческих (общественных) объединений.

Вместе они предъявляют экспертам как носителям специального знания всё новые требования, вытекающие из усложнения общественно-политической жизни, связанного со свободой распространения информации, активизацией гражданской активности и увеличением числа субъектов политики. В их числе и территориальные общности в лице их лидеров. В этой ситуации отношения «производитель – получатель нужного товара» приобретают со временем устойчивый характер и представляют собой *систему правил*, что настраивает индивидуальную мысль и каналы восприятия на работу в свойственных ей когнитивных категориях.

Институциональный подход здесь имеет то преимущество, что ориентирует обе стороны на поиск общего, т.е. на идентификацию интересов и смыслов, что, по выражению П. Бергера и Т. Лукмана, образует «общие релевантности» [4, с. 92], создаваемые процессами хаби́туализации и типизации. Поэтому к отмеченным выше типам добавим ещё две величины, характеризующие устройство экспертизы в субъектах РФ. Ими выступают *формы организации экспертного знания* – государственные/негосударственные, а также – *аудитории*, на которые рассчитан экспертный продукт [5, с. 89].

Обзор литературы. А. Тверски и Д. Канеман в одной из своих работ указали на то, что «выбор и принятие решений, как правило, осложнены наличием неопределенности и риска» [6]¹. Вряд ли какая-либо из эпох «похвастает» их отсутствием. Экскурс в литературу может быть не столько кратким, сколько разным по качеству, если её критерием выступает категория *пользы* – для человека, исследующего проблему, лица, готовящего решение, и тем более лидера. Здесь нужны адресные и специальные по форме её жанры. Указав на важность теорий рациональности и пользы, ограничимся публикациями по направлениям темы, что связаны с факторами возникновения/развития публичной экспертизы и отчасти объясняют их.

Формирование экспертологии пронизано спорами вокруг отношений науки и политики. Элитологические особенности осмысления общественного развития были уже в трудах Платона, Аристотеля, Н. Макиавелли. Здесь находим и признаки государственного устройства, которое отличается признанием воли большинства – «публики» в качестве источника власти – демократии, её дихотомических начал, и понятие «гражданское общество», что одним из первых развил Н. Макиавелли. Однако само это знание шло «наверх», политическим деятелям, правителям, принимающим решения.

Этот парадокс научной коммуникации в виде противоборства между эгалитарными и элитарными подходами во взаимоотношениях науки и власти в работах Р. Дарендорфа и Г. Лассуэлла, концепциях трансформации институтов гражданского общества в условиях глобализации (С. Хантингтона, К. Поланьи, И. Валлерстайна, М. Фуко, Ф. Фукуямы) проследовал и до наших дней. Экспертиза как особая среда профессионального знания между наукой и сферой принятия решений, «деятельность, с вовлечением специалистов, для анализа и оценивания объектов консультирования» [7]² с неравным успехом работает как в моделях «демократии участия», «демократического элитизма», «управляемой демократии», так и конструкциях без этих прилагательных. Остаётся открытым при этом как вопрос об обще-

¹ См.: Канеман Д., Тверски А. Рациональный выбор, ценности и фреймы // Психологический журнал. 2003. Т. 24, № 4. С. 31–42.

² См.: Сидельников Ю.В. Экспертиза: состояние и тенденции развития // Мировая экономика и международные отношения. М., 1997. № 2. С. 122–130.

принятом понятии «эксперт», так и его социальном статусе в мире меняющейся (виртуальной) политики.

При всей значимости выводов по сущности, формам и функциям экспертизы к 90-м гг. XX в. учёными была лишь обозначена проблема взаимодействия её структурных компонентов (процедурных, личностных, ситуационных), отсутствовал общепризнанный анализ их расклада в исполнительных структурах власти и общества. Современные проблемы экспертизы (с выходом на наш ракурс), такие, как те или иные её измерения, структурные изменения, зависимости, изъяны адаптации, взаимосвязи с зарубежным опытом, традиционными (родовыми) и новейшими феноменами современности в контексте поиска решений по её эффективности и т.п., не обделены вниманием исследователей. Они рассматриваются в работах В.А. Ачкасова, В.П. Бабинцева, Н.А. Баранова, Г.В. Голосова, М.В. Ильина, Б.Г. Литвака, А.Ю. Мельвиля, Л.А. Пивоварова, С.П. Поцелуева, А.И. Соловьева, А.Ю. Сунгурова, Л.А. Фиглина и других.

Добротой в российской литературе представлена внешнеполитическая экспертиза. Прежде всего это работы Е.М. Примакова, А.Д. Богатурова, И.А. Истомина, И.Я. Кобринской, А.А. Кокошина, А.С. Макарычева, С.И. Самуйлова, Т.А. Шаклеиной, М.А. Хрусталева и др. Не меньше публикаций и по внутриполитической экспертизе (А.А. Дегтярев, А.С. Киселев, О.Ю. Малинова, Ю.А. Митрошенков, А.Н. Райков, А.Ю. Шутов), но с явным перевесом на уровне регионов в сторону теоретизирования, без достаточной глубины проникновения в её своеобразие, «организационную культуру», динамику. Почти то же, но с акцентом на неполном понимании ресурсов, шире – потенциала, смежных форм можно сказать и о работах, исследующих экспертное сообщество в субъектах РФ. В этом отношении заметно выделяются публикации А.С. Макарычева, работающего почти во всех направлениях изучения отечественной экспертизы, а также рынка её услуг [10].

Материалы и методы. В качестве источников, первичных и вторичных эмпирических данных в статье использовались: нормативно-правовые акты федерального и регионального уровня, регулирующие деятельность в сфере реализации государственной региональной политики; данные статистического наблюдения в части, касающейся инновационной и интеллектуальной деятельности. В качестве первичных эмпирических данных через призму реляции были переосмыслены материалы экспертного опроса «Политическая система региона в 1991–1998 гг.» архива Нижегородского исследовательского фонда. В качестве вторичных источников – материалы конференций и доклады Нижегородского центра социально-экономической экспертизы (НИЦ СЭНЭКС) за 2004–2015 гг., а также материалы Межрегионального научно-практического семинара «Публичная экспертиза в субъектах РФ», проводимого Центром экспертизы и комплексного анализа ИМОМИ ННГУ с 2015 г., в 2016 г. – совместно с НИЦ СЭНЭКС.

Комплексный анализ предмета изучения обеспечивается использованием разнообразных методов научного познания (системного, социологического, неонституционализма, конструктивизма и др.), что позволяет выявлять и уточнять специфическое как предтечу его сущностного, охватывать различные стороны и особенности в сопряжённости временных, пространственных и политических условий.

Результаты исследования. Рассмотренные два этапа эволюции публичной экспертизы в субъектах РФ своим общим показателем имеют то, что для участвующих в этом процессе акторов он представлял сложную *дилемму* между личностными и процедурными факторами в контексте вызовов времени. Под личностным аспектом здесь понимаются гендерные, психологические, социо- и культурно-политические особенности участников экспертизы. Процедурный фактор обобщает различные ограничения в постановке целей, выборе альтернатив, осуществлении экспертизы актуальным политическим контекстом, в который погружены её субъекты.

Не удивительно, что, освобождаясь с опорой на социологический и дискурсивный подход от значения вида «обслуживания» деятельности политиков и становясь обращением через средства массовых коммуникаций к общественному мнению публичной, такая экспертиза обретает способность и укреплять основания власти, и «обнажать» их знанием её механизмов. Если до 2004 г. чиновники с этим считались, за это время публичная экспертиза успела обрести структуру, сеть партнёров и главного «идеолога» в виде гражданского общества, т.е. тот тип, что свойственен Центрам публичной политики, то в последующий период ей «в формате информационной кампании» стал задаваться «некий политический заказ на формирование искомого восприятия события, образа, личности лидера и т.д.» [6, с. 9–10]. Наряду с другими симптомами [9, с. 4] это свидетельствует о слабости ресурсов гражданского общества в лице его элиты – руководителей информационных, экспертно-аналитических, общественных и иных структур, что в сочетании с проблемами социального, регионального и цифрового неравенства приводит к торможению формирования его институтов.

В попытке его преодоления интересным видится опыт становления публичной экспертизы в Нижнем Новгороде. На фоне действия основных тенденций (влияния «американского подхода» в её изучении, перемещения консультационных и экспертных центров из Европы в Азию; изменения среды экспертизы и профессионального уровня участников в сторону универсализации), тогда, в 90-е, «правильных» экспертов в Нижнем Новгороде было мало. Работали они преимущественно в области регионалистики, что отражало тренд новых возможностей влияния «решений с мест» и переход интеллектуалов на субнациональный уровень обеспечения.

Активисты, а это были члены Нижегородского исследовательского фонда (НИФ) и Нижегородского института экономического развития (НИЭР) использовали эти новации экспертизы по-разному, но в целом как форму сотрудничества со знако-

выми игроками в устранении провалов того времени. Не случайно А.С. Макарычев связывал возникновение института политической экспертизы в регионе с процессом формирования зоны публичного анализа на пересечении двух сфер профессиональной деятельности. Это: а) научные (академические) исследования и б) политическое планирование в рамках структур власти. Именно наложение друг на друга этих двух различных, но потенциально взаимно дополняющих друг друга сфер и даёт эффект в виде феномена публичной политической экспертизы [10, с. 129].

На практике это нашло отражение не только в собственных экспертах функциях в сочетании с пребыванием в СМИ, но и в организации Российских конгрессов по проблемам политической регионологии, проведённых НИФом в партнерстве с профильными структурами под эгидой Российской ассоциации политической науки в 1997–2004 гг. После чего НИФ трансформировался в экспертный центр «Мера» и, приняв участие в нисходящей волне выборов, обрёл нишу в модных видах консалтинга. (Как, впрочем, и НИЭР). Однако тот десятилетний период сформировал некий набор понятий практического применения (знания), которыми стали оперировать члены нижегородского экспертного сообщества, чтобы их слова и действия воспринимались как нормальные, правильные. Хотя в качестве средства в последующей его эволюции этим в большей степени сумел воспользоваться лишь один своеобразный «долгожитель» – Нижегородский центр социально-экономической экспертизы (рук. проф. А.В. Дахин), успешно действующий (с 1997 г.) и в наши дни.

Исходной особенностью этого центра, как и первого состава НИФа, было их создание как междисциплинарного конструкта на базе межвузовского партнёрства людей, знающих работу преподавателя в государственных университетах и принявших правила, процедуры экспертного мышления. Наличие разнообразных практик, отражаясь на уровне институционализации экспертизы как когнитивного процесса, обеспечивало взаимодействие в разработке продукта, рассчитанного на внутреннего (но дифференцированного) потребителя вне зависимости от того, на какие средства велась работа. Ориентация на такую аудиторию предусматривает широкий спектр экспертных продуктов: от публикации монографий, материалов конференций, аналитических докладов до соответствующих записок для лиц, принимающих решения (ЛПР), которые, фигурируя в интернете, претендуют и на медийный формат.

Ныне «налицо сильная партийная аффилированность одной части экспертного сообщества и мощное финансовое лоббирование западными НПО другой части российских аналитических центров. Это, несомненно, сказывается на идеологизации содержания интеллектуальной продукции, преломляет истину при анализе политической ситуации» [9, с. 16]. Но это лишь одно из измерений смещения вектора развития экспертизы с начала XXI в. к федеральному центру, что выразилось не только в поддержке смыслов, практик, меньше всего расходящихся с публично выдвинутыми целями государства, но и в противодействии его политике извне.

Закономерно, что во внутренней среде политики не менее важным стал вопрос о характере функционирования традиционных институтов власти и демократии, возможностях их трансформации в условиях информационного общества. Причем сами эксперты прогнозируют их переход к новым видам уже в ближайшее время. К таким концептам, например, относится и модель экспертной демократии, предлагающая переход от института народных представителей к институту экспертов.

Тут есть и реальные основания, и проблемы, прежде всего в неустойчивости убеждений и поведения самих экспертов, встающих «по ситуации» то на сторону информированного, но не обладающего навыками и компетенциями в сфере управления большинства (тогда задачами такой «традиционной» экспертизы оказываются «определение точек положительного и отрицательного эквилибриума в рамках каждого из институтов, соответствующее объяснение и прогнозирование поведения субъектов, а также выявление условий, при которых они избирали бы *совместно* предпочтительные стратегии» [11, с. 23]), то на сторону тех или иных групп элиты, сегодня – лидерских структур, что транслирует экспертам чисто прагматические цели, связанные (после 2014 г.) с действием антикризисных конструкций.

Следуя единой ныне политической линии, каждая некоммерческая организация экспертного профиля, действующая в рамках Конституции Российской Федерации, развивает свою собственную «организационную культуру». В рамках неoinституционализма этот термин трактуется как совокупность правил и кодов, как социальная практика коллективного опыта элементов общества. Культура экспертизы материализуется в институциональной деятельности экспертов, проявляется в их профессиональной этике, репутации и «человеческом капитале». Но в условиях тех правил политической игры, что преобладают в границах организационного целого, скрыты и риски экспертизы.

Введением определённого числа рациональных ограничений она порой приобретает игровой (манипулятивный) характер. Не редко он искусно скрыт приёмами математического моделирования. Такой формат деятельности характерен и для части самодостаточных столичных, и «селектированных» бедностью [12, с. 427] региональных экспертных организаций. Острым остается и «вопрос о том, чьи интересы представляет эксперт, принимая решения в сфере своей компетенции, и о том, какую ответственность несёт за сделанный им выбор. Зачастую именно ангажированность экспертов приводит к принятию популистских и несбалансированных решений, выгодных стоящим за ними интересантам» [13, 236].

С другой стороны, «одной из главных проблем всех типов российских элит является недостаточная развитость у них стратегического, рефлексивного мышления, что порождает ситуативное политическое поведение, вечное «тушение пожара» вместо выработки внятной стратегии и прогнозирования» [14, с. 41], чем могут и должны заниматься эксперты, если им не мешают. И здесь именно «институт со-

здаёт и легитимизирует категории, к которым прибегает индивид, формируя своё представление о мире, задаёт сами критерии ориентации в нём» [15, р. 77]. В этом процессе при всей проблематичности его реалий институт экспертизы сопрягается с культурой гражданского общества, обретая качество новой публичности.

Обсуждение и заключение. Как некий пример становления нового вида экспертизы – действующая в Нижнем Новгороде в 2013–2015 гг. под руководством НИЦ СЭНЭКС группа «Региональная экспертная стратегия» (РЭС) [16]. Она представляла собой коалицию вузовских экспертов, строящуюся по сетевому принципу и выдающую ежегодный аналитический доклад, ориентированный на внутреннюю аудиторию. Его раздача на презентации и рассылка PR-службам лиц, принимающих решения, расширяла медийный формат продукта. Спрос на него в политических кругах применительно к разрешению спорных ситуаций заметно возрос, что в целом по завершению проекта было предложено сохранить в виде Агентства Научных Исследований и Информации (АНИИ) «Лобачевский» и признать формирование *коалиционных* экспертных объединений, аффилированных со знаковыми структурами, делом нужным и предпочтительным для значительной части экспертов. Но при равноправно-инициативном характере партнёрства сторон (что наблюдается далеко не во всех регионах). Наряду с этим, ограничениями являются и идущая в экспертных кругах переконфигурация, и дефицит инновационных методов, технологий, которые по своей природе были бы альтернативными властно-распорядительным методам, реализуемым разными органами управления, что вкуче составляют важную часть дилеммы самой экспертизы. Она не вправе подменять собой социальное регулирование, осуществляемое властными институтами, однако может давать оценку для определения их полезности личности и социуму.

Конечно, это не решает вопрос слабости ресурсов гражданского общества, что в сочетании с проблемами социального, регионального и цифрового неравенства приводит к торможению формирования его институтов, но содержит шанс к преодолению его информационно-коммуникативной зависимости от государства. Главной задачей публичной экспертизы в данном контексте является чёткое обоснование цели решения и результата её реализации с ответственностью перед обществом посредством использования экспертно-консультативных возможностей различных социальных субъектов в процессах выработки и корректировки мер государственной политики развития, осуществление общественного, гражданского контроля над ней с обязательным включением в приоритеты оценки гуманитарного измерения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Казаков, М. А. Ценностно-деятельностный подход в исследовании современных политических элит и лидеров: понятия *субъектности* и *гуманитарных технологий* // Нижегородский журнал международных исследований. – 2009. – Осень–зима. – С. 11–19.
2. Казакова, Е. В. Роль экспертных сообществ России в политической модернизации // Власть. – 2011. – № 3. – С. 11–14.
3. Сунгуров, А. Ю. Фабрики мысли и экспертное сообщество в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде и на Северном Кавказе // Политическая концептология. – 2017. – № 2. – С. 115–137.
4. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Медиум, 1995. – 324 с.
5. Казаков, М. А. Публичная экспертиза в субъекте РФ: общее и особенное в Нижегородской практике // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. : Социальные науки. – 2016. – № 2. – С. 89–94.
6. Канеман, Д. Рациональный выбор, ценности и фреймы / Д. Канеман, А. Тверски // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24, № 4. – С. 31–42.
7. Сидельников, Ю. В. Экспертиза: состояние и тенденции развития // Мировая экономика и международные отношения. – 1997. – № 2. – С. 122–130.
8. Шутов, А. Ю. Политическое восприятие страны как проблема теории коммуникации // Россия – Польша: проблемы взаимного восприятия : материалы междунар. науч. конф. – М. : МГУ, 2013. – С. 8–14.
9. Гусенко, М. Россию ждет дефицит аналитиков и творческих работников // Российская газета. – 2017. – 27 октября.
10. Макарычев, А. С. Управление научными ресурсами в России и институциональные характеристики политической экспертизы // Управление региональным развитием: наука, экспертиза, инновации : учён. зап. Т. 8. – Нижний Новгород : Изд-во ВВАГС, 2010. – С. 128–141.
11. Волков, В. А. Независимая политическая аналитика и экспертиза в современной России: идеологическое измерение / В. А. Волков, Д. Ю. Иванов // Управление консалтинг. – 2013. – № 3. – С. 12–16.
12. Голосов, Г. В. Сравнительная политология / Г. В. Голосов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Новосибирск : Изд-во Новосибирск. ун-та, 1995. – 207 с.
13. Никонов, В. А. Современный мир и его истоки / В. А. Никонов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2015. – 880 с.
14. Володенков, С. В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления / С. В. Володенков. – М. : Изд-во Моск. ун-та ; Проспект, 2015. – 272 с.

15. Шестопал, Е. Б. Государственная политика в контексте политической психологии // Государственная политика развития на современном этапе: содержание, направление и перспективы : материалы междунар. науч. конф. (Москва, 27 октября 2016 г.) / под общ. ред. В. И. Якунина. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2017. – 248 с.

16. Di Maggio, P. The Institutionalism in Organisational Analysis / P. Di Maggio, W. W. Powell. – Chicago : Univ. of Chicago Press, 1991. – 486 p.

17. Региональная экспертная стратегия (РЭС) [Электронный ресурс] // Нижний сейчас. – Режим доступа: <http://nn-now.ru/>.

REFERENCES

1. Kazakov M.A. Tsennostno-deyatelnostnyi podkhod v issledovanii sovremennykh politicheskikh elit i liderov: ponyatiya sub"ektnosti i gumanitarnykh tekhnologii [Value-activity approach in the study of modern political elites and leaders: the notion of subjectivity and humanitarian technologies]. *Nizhegorodskii zhurnal mezhdunarodnykh issledovaniy*, 2009, Osen'-zima, pp. 11–19.

2. Kazakova E.V. Rol' ekspertnykh soobshchestv Rossii v politicheskoi modernizatsii [The Role of Russia's Expert Communities in Political Modernization]. *Vlast'*, 2011, no. 3, pp. 11–14.

3. Sungurov A.Yu. Fabriki mysli i ekspertnoe soobshchestvo v Moskve, Sankt-Peterburge, Nizhnem Novgorode i na Severnom Kavkaze [Factories of thought and expert community in Moscow, St. Petersburg, Nizhny Novgorod and the North Caucasus]. *Politicheskaya kontseptologiya*, 2017, no. 2, pp. 115–137.

4. Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya. Social construction of reality*. [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Moscow: Medium Publ., 1995. 324 p.

5. Kazakov M.A. Publichnaya ekspertiza v sub"ekte RF: obshchee i osobennoe v Nizhegorodskoi praktike [Public Expertise in the Subject of the Russian Federation: General and Special in the Nizhny Novgorod Practice]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Series «Sotsial'nye nauki»*, 2016, no. 2, pp. 89–94.

6. Kaneman D., Tverski A. Ratsional'nyi vybor, tsennosti i freimy [Rational choice, values and frames]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2003, vol. 24, no. 4, pp. 31–42.

7. Sidel'nikov Yu.V. Ekspertiza: sostoyaniye i tendentsii razvitiya [Examination: state and development trends]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1997, no. 2, pp. 122–130.

8. Shutov A.Yu. Politicheskoe vospriyatie strany kak problema teorii kommunikatsii [Political perception of the country as a communication theory problem]. *Rossiya-Pol'sha: problemy vzaimnogo vospriyatiya: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Russia-Poland: Problems of Mutual Perception: Proceedings of the International Scientific Conference]. Moscow: Moscow St. Univ. Publ., 2013, pp. 8–14.

9. Gousenko M. Rossiya zhdet defitsit analitikov i tvorcheskikh rabotnikov [Russia is waiting for a deficit of analysts and artists]. *Rossiiskaya gazeta*, 2017, 27 oct.
10. Makarychev A.S. Upravlenie nauchnymi resursami v Rossii i institutsional'nye kharakteristiki politicheskoi ekspertizy [Management of scientific resources in Russia and institutional characteristics of political expertise]. *Upravlenie regional'nym razvitiem: nauka, ekspertiza, innovatsii : uchen. zap. T. 8* [Management of regional development: science, expertise, innovations: scientific notes, vol. 8]. Nizhnii Novgorod: Nobosibirsk St. Univ. Publ, 2010, pp. 128–141.
11. Volkov V.A, Ivanov D.Yu. Nezavisimaya politicheskaya analitika i ekspertiza v sovremennoi Rossii: ideologicheskoe izmerenie [Independent political analytics and expertise in modern Russia: an ideological dimension]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 2013, no. 3, pp. 12–16.
12. Golosov G.V. *Sravnitel'naya politologiya* [Comparative political science], 2-nd ed., processing and additional. Novosibirsk: Publishing house of Novosibirsk University, 1995. 207 p.
13. Nikonov V.A. *Sovremennyi mir i ego istoki* [The modern world and its origins]. Moscow: Moscow St. Univ. Publ., 2015. 880 p.
14. Volodenkov S.V. *Internet-kommunikatsii v global'nom prostranstve sovremen-nogo politicheskogo upravleniya* [Internet communications in the global space of modern political management]. Moscow: Moscow St. Univ. Publ.; Prospect Publ., 2015. 272 p.
15. Shestopal E.B. Gosudarstvennaya politika v kontekste politicheskoi psikhologii [State policy in the context of political psychology]. *Gosudarstvennaya politika razvitiya na sovremennom etape: sodержanie, napravlenie i perspektivy: materialy mezhdunar. nauch. konf.* [State development policy at the present stage: content, direction and prospects: Proceedings of the International Scientific Conference (Moscow, October 27, 2016)]. Moscow: Moscow St. Univ. Publ., 2017. 248 p.
16. Di Maggio P., Powell W.W. *Institutionalism in Organisational Analysis*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1991. 486 p.
17. Regional expert strategy (RES). *Nizhnii seichas* [Nizhny now]. Available at: <http://nn-now.ru> (accessed 20 August 2016). (In Russian).